ТРУДЫ

III (XIX) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

Великий Новгород — Старая Русса

2011 г.

Том II

террасами. Оба скопления почти смыкаются друг с другом, и сильно повреждены противопожарной траншеей и корнями деревьев. Возможно, эти обстоятельства не позволили проследить границу между ними, а также выявить следы надмогильных конструкций. Нет и следов каких-либо вместилищ для костей.

Инвентарь, найденный среди костей, довольно многочисленный. Это В-образные пряжки, в т. ч. биметаллические, сюльгамы с простыми закрученными навершиями, оплавленные бусы. Отметим также большое количество пронизей из дрота сегментовидного сечения, а также перстень с пуансонным орнаментом.

Фрагменты кремированных костных останков светло-серого цвета, средний размер – 1–2 см. Согласно сводной таблице цветности кремированных останков Уолкера–Миллера, температура сжигания тела была в пределах 750–1000^0 С, что характерно для обряда трупосожжения на открытом воздухе с применением дополнительных стимуляторов (жиров, смол?). Общий вид и состояние останков говорит также о том, что сжигание тела происходило с полным или частичным отсутствием на костях мягких тканей. Этот сюжет крайне любопытен, поскольку находит перекличку с собственно дьяковскими кремациями, в то время как на Щуровском могильнике сжигание производилось с мягкими тканями.

Размер и сохранность костных останков не позволяет дать четкие половозрастные определения, однако удалось установить, что останки принадлежат нескольким (как минимум двум) индивидам:

- молодой индивид (ребенок или подросток);
- взрослый индивид старше 30 лет.

Судя по характеру некоторых следов на костях, могло иметь место разрубание костей или дробление до и после сожжения. Эта деталь обряда также не обнаружена пока на соседних могильниках с кремациями. Новый памятник позволяет сделать следующие выводы:

1. Обряд трупосожжений, вероятно, не был единым для городищ позднедьяковского круга; новый памятник совершенно не похож на то, что было известно до его обнаружения.
2. Форма открытых погребений объясняет, почему дьяковских/позднедьяковских могильников известно так мало – их сложно обнаружить, если не знать, что искать, а сами они столь хрупки, что вряд ли сохранились в земле в большом количестве.

Т.А. Пушкина
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Скандинавские древности на Руси

Среди бесчисленного археологического материала, происходящего с территории Древней Руси и относящегося к периоду формирования древнерусского государства, имеется значительное количество находок, которые своей формой, декором и технологией заметно отличаются от славянских, балтских или финских древностей и не имеют прототипов в местных культурах Восточной Европы. В данном случае речь идет о предметах так называемого скандинавского происхождения, принадлежащих нескольким функциональным группам: вооружению и снаряжению всадника и верхового коня, костюму, предметам языческого культа, орудиям, инструментам и предметам быта. Отдельные типы вооружения или деталей костюма могут быть интерпретированы в качестве «импорта». Однако известные для таких памятников, как Старая Ладога, Рюриково городище, Новгород, Гнездово и др. серии находок специфических форм культовых и бытовых предметов или орудий труда, украшений и деталей костюма, как и технологические приемы их изготовления, обусловленные соблюдением культурных традиций, неизвестных здесь ранее, могут рассматриваться и рассматриваются многими исследователями иначе: как свидетельство пребывания и проживания в этих пунктах в течение какого-то времени выходцев из Скандинавии (Кирпичников, Дубов, Лебедев, 1986. С. 223–229; Розанова, Пушкина, 2001. С. 77–82; Седова, 1997. С. 178–180; Ениосова, 1999. С. 13–16 и др.).

Значительная часть находок, связанных с комплексом этнографического костюма, и предметов вооружения и снаряжения верхового коня происходит из погребений конца IX – X в. Подобные находки из культурных слоев поселений менее значительны, однако именно из материалов поселений происходит основная часть предметов быта, инструментов и орудий труда. Кроме того, определенная часть находок (украшения и амулеты) связана примерно с 25 кладами, которые датируются периодом от IX до 30-х гг. XIII вв. Крайние даты основной части известных нам комплексов определяются серединой VIII в. и 30-х гг. XIII в., но в рамках IX – начала XI в. материал представлен наиболее ярко.

Территориально выделяются несколько зон заметной концентрации находок предметов скандинавского происхождения и погребений с признаками скандинавского обряда: на Северо-Западе – это Старая Ладога и Рюриково городище, на Северо-Востоке – Тимеревское поселение и курганы, на Западе –

Гнездовский комплекс и его округа, на Юге – Шестовица. Определенное количество находок связано с Новгородом, Псковом и их окрестностями, районом Белоозера, междуречьем Западной Двины и Днепра и некоторыми другими местностями. Однако география находок в целом значительно шире, охватывая территорию от низовьев Волхова до Днепровских порогов и от Волыни до Прикамья. Внутри этого широкого ареала наблюдаются как разные хронологические группы памятников, для которых характерно присутствие элементов скандинавской культуры, так и своеобразная группировка материалов внутри памятника или отдельного региона (Пушкина, 1997. С. 175–178; Андрощук, 2004. С. 11–28).

Обращение к теме, связанной с изучением скандинавских древностей на Руси, не является случайным. В настоящее время среди историков активизировалась дискуссия по так называемому варяжскому вопросу, в которой совершенно отчетливо прослеживается тенденция к игнорированию или выборочному использованию результатов современных археологических работ (Фомин, 2005. С. 386–391).

Необходимость хотя бы предварительной инвентаризации скандинавских находок в Восточной Европе осознана многими археологами. Важность подготовки и публикации каталога скандинавских древностей отмечалась в конце 90-х гг. на предварительных обсуждениях в Санкт-Петербурге и Петрозаводске его состава и структуры. Тогда же подчеркивалось, что эта работа сопряжена со многими трудностями, причем не только организационного, но и сугубо научного характера – в силу нерешенности ряда проблем, а, может быть, и принципиальной нерешаемости некоторых из них.

В первую очередь, требует уточнения определение ключевого понятия «скандинавские древности», поскольку существуют, по меньшей мере, три группы находок, убедительность отнесения которых к кругу этих древностей различна. Все эти находки можно рассматривать как условно и, безусловно, скандинавские.

Каталогизация древностей североевропейского (скандинавского) круга в Восточной Европе является необходимой и в связи проблемами, возникающими при датировании многих памятников рубежа I–II тыс. н.э. Существенной проблемой остается восприятие и ассимиляция древнерусской культурой североевропейских традиций, в том числе технологических.

При всей спорности и нерешенности многих кардинальных проблем и возникающих при этом многообразных сложностей в отборе и интерпретации материала, создание сводного каталога скандинавских древностей с территории Древней Руси представляется назревшей необходимостью.

***

Андрощук Ф.А., 2004. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Ruthenica. Київ. Т. III.

Ениосова Н.В., 1999. Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.

Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1986. Русь и Варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.

Пушкина Т.А., 1997. Скандинавские находки с территории Древней Руси // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск.

Розанова Л.С., Пушкина Т.А., 2001. Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М. (Труды ГИМ; Вып. 124).

Седова М.В., 1997. Скандинавские древности Суздаля и его округи // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск.

Фомин В.В., 2005. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.

Т.Н. Рафикова

Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, Тюмень

Формирование средневековых культур лесного и лесостепного Зауралья

Активное исследование средневековых древностей, предпринятое сибирскими и уральскими археологами в течение последнего десятилетия, позволяет обратиться к вопросам генезиса раннесредневековых культур лесного и лесостепного Зауралья.

Бакальская культура сформировалась на территории лесостепного Зауралья на основе местной саргатской культуры, что подтверждается близостью форм сосудов, техники орнаментации и элементов декора керамики саргатской и бакальской культур. С III в. н.э. в лесную зону проникают северное население – саровское, а затем карымское, что фиксируется по материалам Козловского могильника, городищ Коловского, Усть-Утякского, Усть-Терсюкского-1, Красноярского, Царева и др.

Участие карымцев в культурогенезе бакальского населения подтверждается привнесением новых